

После ужина ко мне заходит Янь Ваньцю и просит пойти в дом господина Чжана, чтобы навестить щенят.

Его собака получила самый лучший уход с тех пор, как родила щенков; каждый день госпожа Чжан кормит ее молочным супом, а ее рацион состоит из сбалансированной пищи из мяса и овощей. В результате ее щенки растут круглыми и крепкими. Да-бай и Эр-бай с каждым днем становятся все больше похожими на собак, кормятся собачьим молоком и играют со своими сверстниками. Когда их навещают люди, они, как и щенки, подбегают к краю гнезда, виляя хвостами и поднимая головы. Если бы вы не присмотрелись, то не поняли бы, что это две белые кошки.

- Мянью Мянью, куда они пойдут, когда вырастут? - спрашивает Янь Ваньцю, наклоняясь и ласково глядя одного из котят по голове.

- Вырастут? Ты имеешь в виду, когда их перестанут выхаживать?

Я не могу представить, что было бы хорошо отправить их обратно на улицу после спасения.

- Они такие милые, думаю, их обязательно усыновят. Я, наверное, спрошу у Сун Жуй, у нее много друзей, уверена, кто-то из них заинтересуется.

- Тогда их разлучат? - спрашивает она, погруженная в размышления. - Они были вместе с младенчества, не испугаются ли они, если их разлучат?

Каким бы гением она ни была, у нее все еще есть детские переживания. Если я скажу ей, что «когда они вырастут, они не будут помнить друг друга» или «собаки очень территориальны, и они не будут чувствовать себя одинокими», я думаю, что с ее интеллектом она поймет, и это позволит мне ответить на ее беспокойство наиболее подходящим способом. В конце концов, именно так мы и растем, открывая истины мира понемногу. Вот только я все еще чувствую себя обязанным сохранить в ней эту маленькую частичку наивного ребячества.

Поэтому вместо этого я наклоняюсь, глажу ее по маленькой головке и говорю:

- Я сделаю все возможное, чтобы их не разлучали. Так они смогут быть вместе всегда.

- Потрясающе!

Янь Ваньцю ослепительно улыбается мне, как будто наконец-то избавилась от бремени, которое она несла, и начинает играть с котятками и щенками.

В конце концов, я отвожу ее домой, и как только Янь Куншань открывает дверь, она заходит внутрь, оставляя меня стоять у входа.

- Ты не зайдешь? - спрашивает Янь Куншань, держа руку на двери.

Трудно отказаться от такого приглашения, но мне удастся не поддаваться искушению.

- Завтра приезжает мой отец, поэтому сегодня мне нужно лечь спать пораньше.

Он издает протяжное «ох»; трудно сказать, о чем он думает.

Я сжимаю пальцы за спиной, чувствуя беспокойство. На самом деле, визит отца - это просто предлог, я хочу увидеть, вернется ли индекс настроения Янь Куншаня. Это не значит, что как только я войду в эту дверь, он начнет целоваться со мной, но я боюсь, что не смогу удержаться. Чтобы этого не произошло, я решил вообще не входить.

- Он собирается остаться на ночь, так что завтра меня здесь тоже не будет.

- Понятно, - абстрактно пробормотал он. - Я понял.

- Тогда я пошел...

Я неловко ерзаю, все еще задерживаясь.

- Не засиживайся допоздна, спокойной ночи!

Он замирает в дверях, не собираясь закрывать дверь.

Я поворачиваюсь и спускаюсь по ступенькам к воротам во двор. Когда я оглядываюсь, он все еще там, в точно такой же позе, его глаза следят за мной, когда я ухожу.

Упираясь одной рукой в ворота, я дико машу ему другой рукой и говорю громче:

- Спокойной ночи!

Он, кажется, смеется, затем что-то говорит мне, хотя я слишком далеко, чтобы слышать его. Но по движению его рта я могу догадаться, что он говорит «Спокойной ночи». Это простое приветствие, но по какой-то причине его ответ вызывает у меня головокружение. Я мчусь домой со скоростью полета, все время сдерживая желание подпрыгнуть от радости.

На следующее утро дедушка начинает колотить в мою дверь еще до того, как прозвонит будильник, сообщая о приезде папы. Я поворачиваюсь, чтобы проверить будильник. Уже 8 утра, слишком рано.

Практически скатившись с кровати и наскоро умывшись, я захожу в гостиную и обнаруживаю, что там тихо и пусто; папа и дедушка сидят во дворе и пьют чай.

Прошло два года с тех пор, как я видел его в последний раз, но его лицо все то же, хотя он кажется более суровым, чем раньше.

Он смотрит на меня, кивает и указывает на жареные пончики на столе.

- Я купил немного на завтрак, посмотрим, понравится ли тебе.

Я быстро сажусь и запихиваю в рот булочку с паром. Весь разговор, который происходит во время завтрака, кажется, происходит между дедушкой и папой, и они просто обсуждают светские беседы, соседские истории. От бабушкиной собаки Ань Ань, которая «все еще скачет по всей округе», до сына господина Лю, ставшего отцом в восемнадцать лет, до успешной церемонии господина Чжана по прекращению дождя и моей роли небесной девы...

- Мянью Мянью? Небесная дева? - удивленно спрашивает папа. Рядом с ним я пью свой десерт из тофу так сосредоточенно, что практически вгрызаюсь лицом в блюдо.

Дедушка оживленно пересказывает всю последовательность событий, приведших к этому, а потом рассказывает, что генерала играл наш «новый сосед, тот, у которого книжный магазин на улице Нанпу».

- Я помню, у него дочь-инвалид, - говорит папа.

- Да, у него.

Дедушка с упоением рассказывает о Янь Куншане, говорит, какой он добрый, всегда помогает нам чинить электричество, какой милый Янь Ваньцю, постоянно называет его «дедушкой чайного яйца», отчего его сердце тает.

Говоря об электрических цепях, я вдруг вспомнил, что собирался поднять этот вопрос с папой.

- Электрические цепи в этом доме слишком разбиты, поэтому они постоянно срабатывают, и это опасно. Если можешь, лучше починить их как можно скорее.

Прежде чем отец успевает ответить, дедушка машет рукой.

- Не нужно, не нужно, это старый дом, что там чинить? Это пустая трата денег. Когда ты пойдешь в школу, здесь буду только я, и если я буду следить за расходом электричества, он не отключится.

Думает ли он, что это просто вопрос использования меньшего количества электроэнергии?

- Нет, это не сработает. Что, если произойдет случайный пожар? – спорю я.

- Не думай об экономии, то, что нужно исправить, должно быть исправлено.

- Нет, нет, все в порядке, – настаивает он, делая вид, что не слышит меня.

Я хмурюсь и начинаю снова:

- Ты...

- Хорошо, я понял.

Папа внезапно вклинивается.

- Я попрошу кого-нибудь прийти через несколько дней, чтобы поменять провода.

Дедушка еще что-то бормочет о пустой трате денег, потом спрашивает, где мы с ним будем жить, пока дом ремонтируют.

Папа говорит:

- Можете жить у меня, у меня есть комната.

На этом мы с дедушкой замолкаем, потом наши глаза встречаются. Через секунду мы оба начинаем отказывать ему.

- Все в порядке, мне это будет неудобно. Наши образы жизни настолько разные, что это вызвало бы конфликт.

Дедушка качает головой.

- Я тоже, я работаю на полставки, поэтому не могу сейчас уйти, – говорю я.

- Ты работаешь? – спрашивает папа. – Где? Что за работа?

Я показываю на соседний дом.

- Я работаю в его книжном магазине... И одновременно пытаюсь за ним ухаживать, - тихо добавляю я.

Мы вдвоем так упорно не хотим переезжать к нему, что папа в конце концов сдается и оставляет этот вопрос на время. После обеда мы садимся в его машину и втроем едем на холм Баобао, чтобы отдать дань уважения бабушке.

Несмотря на то, что прошло уже много лет, настроение отца все еще темно-синее, когда он стоит перед местом ее захоронения. Горе от ее смерти, кажется, поглотило его целиком, хотя по его лицу этого не скажешь. Если бы не моя синестезия, я бы решил, что он уже пережил ее смерть.

Должно быть, он все еще расстроен тем, что не смог увидеть ее в последний раз перед смертью.

Поскольку папа приезжает на остров очень редко, после того, как мы закончили на холме Баобао, мы отправились к бабушке. Она живет одна в двухэтажном доме, в котором более десяти комнат. Единственные ее спутники - мальтийский пес Ань Ань и такой же старый кот.

Местные власти периодически присылают к ней людей, чтобы проведать ее, учитывая ее статус одинокой пожилой женщины, и обычно они помогают ей убираться в доме. Не говоря уже о том, что сама она все еще полна духа и способна позаботиться о себе, поэтому в обширном особняке всегда светло и чисто. Иногда почти все еще можно услышать смех и болтовню Женщин-комбайнов, когда они перебегают из комнаты в комнату.

- Когда ты был маленьким, тетушка любила держать тебя вон в том кресле-качалке, помнишь?

Бабушка указывает на старое, потертое бамбуковое кресло в углу.

Папа кивает. Он помнит, он всегда помнил.

Я тихо сижу рядом с ними, чищу фисташки и слушаю их рассказы о прошлом.

- Маленькая тетушка была пухлой старушкой, которая много смеялась. Она очень любила папу и всегда тайком передавала ему кучу сладостей. Однажды она внезапно умерла от инсульта, и когда папа узнал об этом, он проплакал несколько дней и даже заболел. После этого его визиты в дом деви постепенно сократились.

Бабушка говорит:

- Ты всегда боялся вспоминать прошлое.

Но отец качает головой, не признаваясь в этом.

Я наблюдаю за депрессивной синевой над его головой. Он действительно упрямый человек. Возможно, если бы он не был таким, моя мама не развелась бы с ним.

Наша поездка к бабушке дает неожиданное решение нашей давней проблемы: Как только она слышит, что наш старый дом собираются переделывать, и что мы с дедушкой не хотим жить с папой, она хлопает себя по ляжке, как будто это совсем не проблема.

Она достает свой мобильный телефон, щурится, пролистывая его, и в конце концов натывается на плакат с рекламой «10-дневного тура, чтобы полюбоваться снегом в Бейди и спастись от летней жары».

- А Сянь, разве ты не всегда хотела отправиться в путешествие? Давай поедem со стариком Чжаном и его женой. Это десять дней, так что к тому времени, как мы вернемся, дом будет закончен.

Дедушку явно заманивают ее предложением, но он спрашивает:

- А как же Мянью Мянью?

Бабушка бросает взгляд на меня.

- Он взрослый мальчик, с ним все будет в порядке. Если ему хорошо одному, он может спать здесь и помогать мне выгуливать собаку и кормить кошку. Если он боится, он может найти себе другое место для ночлега, если только он не забудет прийти выгулять собаку и покормить кошку.

Я понимаю, ты хочешь, чтобы я выгуливал собаку и кормил кошку...

- Я не против, - говорю я.

- Мянью Мянью почти девятнадцать, с ним все будет в порядке. Ты должен пойти.

Папа присоединяется, чтобы убедить дедушку.

Дедушка, который уже колебался, наконец, убежден нашими заверениями и соглашается. Как только мы возвращаемся домой, он сразу же отправляется в дом господина Чжана, чтобы обсудить детали их поездки.

К вечеру поездка, по большей части, уже спланирована. Я помогаю четырем старшим

зарегистрироваться в туристической группе и оплатить поездку. Поездка приближается, поскольку мы узнали о ней так поздно; волнение превращает дедушку в маленького ребенка, и он почти сразу начинает собирать чемодан. У него никогда раньше не было возможности много путешествовать, поэтому чемодан, которым он пользуется, на самом деле мой. Я учу его, как его открывать, как закрывать, и он быстро учится - начинает бесконечно возиться с замком в свое удовольствие.

- Ах да, завтра мне нужно повесить на тележку небольшую вывеску, - внезапно вспоминает дедушка, когда мы уже собираемся спать. Он бродит по комнате в поисках черного шарпи.

- Табличку для чего?

- Чтобы повесить на тележку с яйцами и сообщить покупателям о моей предстоящей поездке, чтобы они знали, что у них не будет чайных яиц для покупки в течение десяти дней.

Он роется в ящиках и шкафах, но не находит маркера.

В конце концов, он вздыхает и отправляется спать, бормоча про себя, что на следующий день нужно будет купить шарпи.

Он действительно относится к продаже чайных яиц как к настоящему бизнесу, даже сообщает своим клиентам, когда его не будет. Трудолюбивый предприниматель.

Дедушка приготовил для папы комнату для гостей, но папа не согласился, решив потесниться со мной в моей, вероятно, для того, чтобы у нас было больше времени «отец-сын». К счастью, я не сплю на своей кровати из-за жары, поэтому я занимаю пол, а он - кровать, и это не слишком тесно.

Перед сном я подхожу к окну и задергиваю шторы, не удержавшись от того, чтобы бросить взгляд на соседний двор. Это был обычный взгляд, но неожиданно я застаю Янь Куньшаня курящим на улице.

Словно почувствовав мой взгляд, он поднимает глаза в мою сторону. Мы смотрим друг на друга, один сверху, другой снизу. Он пускает кольцо дыма в мою сторону. Расстояние между нами настолько велико, что я не должен чувствовать никаких запахов, но я все равно чувствую, как меня охватывает шок, а в носу чувствительно покалывает, как будто кашель пытается вырваться наружу.

Занавески в руках, я говорю ему «спокойной ночи». Я не жду, поймет он или нет, просто опускаю шторы между нами, разрывая наш зрительный контакт.

После того как свет закрыт, я изо всех сил стараюсь, чтобы стрекот цикад загипнотизировал меня на сон.

- Мянъ Мянъ, поздравляю с поступлением в колледж твоей мечты.

Мои глаза открываются в темноте.

- Спасибо, - вежливо говорю я, не в силах придумать другой ответ.

Отец больше не говорит, и я закрываю глаза, погружаясь в пучину сна, но потом...

- Мянъ Мянъ, ты меня ненавидишь?

Ну, теперь я действительно не смогу заснуть.

Ненавижу ли я его?

Если честно, мои чувства к нему двойственны. Он редко появлялся в моей жизни, и я полагаю, что в прошлом я была разочарована в нем, но ненависть? Ненависть - чрезвычайно сильная эмоция, а я не испытываю к нему даже особой любви, не говоря уже о ненависти.

После минутного молчания я игнорирую его вопрос и спрашиваю вместо этого:

- Ты знаешь, когда у меня день рождения?

- Ты помнишь, когда я упал с дерева и попал в больницу?

- Ты помнишь, что я написал в первой открытке на День отца, которую я тебе подарил?

Мой шквал вопросов, кажется, делает отца немым. Когда после долгого молчания он, похоже, не собирается продолжать наш разговор, я внутренне вздыхаю и закрываю глаза, чтобы уснуть.

Возможно, есть вещи, о которых он сожалеет, но все это уже в прошлом. Какой смысл в раскаянии?